

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ ХАКАСИИ

*Хакасиянын чаагы
писательлери*

Воины-писатели Хакасии

Суворов Георгий Кузьмич (1919–1944)

Г.К. Суворов родился в селе Краснотуранском Красноярского края. Работая учителем в с. Бондарево Бейского района Хакасии, увлекался фольклором, писал стихи, пьесы. В 1941 г., студент второго курса Красноярского педагогического института был призван на срочную военную службу. С конца сентября 1941 года Георгий Суворов сражался на фронте, защищал Ленинград, был тяжело ранен. После выздоровления, снова в боевом строю. Работал в дивизионной газете «За Родину». В 1943 г. появились подборки его стихов в журналах «Звезда» и «Ленинград».

Лейтенант, командир взвода Г.К. Суворов погиб 21.07.1944 г. на переправе через Неву под г. Ленинградом.

Георгий Суворов посмертно принят в члены Союза писателей СССР. В 1968 году за книгу стихов «Слово солдата» был награждён медалью конкурса имени Н. Островского. Главная тема творчества Г.К. Суворова – тема служения Родине, тема героизма.

«Свой добрый век мы прожили как люди и для людей» – эти слова на могиле Г. Суворова в г. Сланцы, где он похоронен в феврале 1944 года, заканчивают одно из последних стихотворений поэта и подводят черту сделанного им за недолгую, но яркую жизнь.

Чайка

Как полумесяц молодой
Сверкнула чайка предо мной.
В груди заныло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит? Что несет ее?
Не спрячет серебро свое...

Зачем?..
Но тут припомнил я...

Зачем?..
Но разве жизнь моя...

Зачем?..
Но разве я не так
Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:
—Держись!
Коль любишь жизнь —
Борись за жизнь!

Вперед, на запад!—
Цену этих слов
Мы поняли, когда в горячем пыле
Мы штурмовали стены городов
Ценой нечеловеческих усилий.

Вперед, на запад!—
Дерзкая мечта...
Я знаю, нас никто не остановит.
Целуют землю русскою уста,
Отбитую ценой солдатской крови.

Пускай мы не прошли и полпути,
Пускай звезда уходит в ночь устало.
Теперь на Запад будем мы идти,
Вперед идти — во что бы то ни стало.

Тропа войны

Я исходил немало горных троп
Высокого и строгого Саяна.
Шел по ущельям хмурым Абакана,
Был постоянным спутником ветров.

Мое ружье — железный верный друг.
О, мне ли привыкать теперь к винтовке!
Оно гремело — падали кедровки
И фейерверк пера носился на ветру.

Не раз обвалам каменным в ответ
Оно зеленый воздух сотрясало,
И падала тогда звезда устало,
И зверь шарахался, теряя свет.

А я и мой лохматый черный пес—
Мы шли вперед развилкой троп над бездной.
Где темная струя руды железной
Врезалась в накренившийся утес.

Не сосчитать, как много горных троп
Измерил я среди сырых ущелий.
Не раз стрелку увесистые ели,
Даря приют, склонялись на сугроб.

Но вот тропа. Не сразу понял я
Ее опасные места, ее изгибы.
Нет, не бросается она на глыбы
Полночных скал, уступами звеня.

И я... я, исходивший сотни троп,
Я слово дал идти тропой сражению,
Платя ценою крови и лишения
За каждый шаг. Да, я на все готов.

И если мне среди голубизны
Хакасских дебрей вновь сверкнули тропы,—
Я не покину своего окопа.
Нет, не сверну с крутой тропы воины.

И, лишь достигнув в долгожданный миг
Ее конца в седой ночи Европы,
Я вновь приду к моим таежным тропам
И выберу труднейшую из них.

Полковнику Подлуцкому

Над лесом взмыла красная ракета,
И дрогнуло седое море мглы.
Приблизили багровый час рассвета
Орудий вороненные стволы.
От грохота раскалывались тучи,
То опускаясь, то вздымаясь вверх,
Через Неву летел огонь гремучий—
И за Невою черной смертью мерк.
И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.
И так всю ночь за русской Невою
Земля горела, плавилась броня.
И так всю ночь гремели батареи,
Ломая доты за рекой во рву,—
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее,
Пехота перешла через Неву.
Чтобы скорее в схватке рукопашной
Очистить дорогие берега.
Чтоб, растопив навеки день вчерашний,
Встал новый день над трупами врага.

Подполковнику Кузнецову

Хотя бы минуту на роздых
За окаянных три дня.
Но снова уносится в воздух:
— Дайте огонь на меня!

И снова взлетают с землею
Разорванные тела.
Метится пламенем боя
Насквозь прожженная мгла.

И в этих метельных звездах
Твердое, как броня,
Режет прогоркший воздух:
— Дайте огонь на меня!

Немец железным кругом
Встал и готов к броску.
Друг прощается с другом
И дуло подносит к виску.

И рухнули наземь звезды,
И парень, гранату подняв,
С кровью выхаркнул в воздух:
— Огонь, огонь на меня!...

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях.
Цветы, цветы... Везде, везде
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе
Вот в этом тесном блиндаже,
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь лилась.
От грома здесь земля тряслась,
Но бой не погасил их пламя.

Цветы, цветы... И там и тут
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколя,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою, —
Они цветут на этом поле.

Сибиряк на Неве

Помню я кедровые орешки,
Бурые, как соболиный глаз,
Парня рябоватого усмешки,
Шнур тропы, к костру ведущий нас.

Помню гор безоблачные шири,
Кедров голубые облака,
Ясную голубизну Сибири,
Грань серебряного ледника.

Помню все. И птиц на горизонте,
И речушек светлое стекло...
Но одно лишь среди пуль на фронте
Здесь особый смысл приобрело.

Бурые кедровые орешки,
круглые, как соболиный глаз,
Парня простодушные усмешки,
С кем тайга скрепила дружбой нас.

Парень синеглазый, рябоватый,
Буйная, широкая душа.
Мы бродили с ним тайгой горбатой,
Свежестью таежною дыша.

Мы любили пить перед рассветом
Чистое вино багряных рос.
Мы любили — если свежий ветер
Горькою смолой ударит в нос.

Так ударит, что раздует ноздри
И от волосков до пят пойдет...
И глаза так удивленно смотрят,
Словно мир пред ним уже не тот.

Словно все опять помолодело.
Был пустырь — и нету пустыря.
И пьяняще обтекает тело
Сочная брусничная заря.

Мы любили... Но ни лес, ни речки
Не тревожат памяти сейчас.
Предо мной кедровые орешки,
Круглые, как соболинýй глаз.

Так, бывало, у лесной поляны,
Чуть проснется на заре душа,—
Он сидел под кедром-великаном,
Шишки кропотливо шелуша.

И потом зернистые орешки
В пригоршнях держал он на дыму.
И, как четки круглые, без спешки
Складывал в карман по одному.

Нет, мой парень не был суеверен,
Он был просто милым чудачком.
Он любил взлохмаченного зверя
Встретить в дебрях солнечным смешком.

Он не торопился переломку
Поднести к упругому плечу.
Он смеялся широко и громко,
И бросал орешки лохмачу.

А медведь в своих штанах медвежьих
Путался, и сотрясая лес,
Землю рвал, чтобы найти орешек,
И ревел, как в старой сказке бес.

Не найдя, он шел на задних лапах,
Словно первобытный человек,
На живой, на человеческий запах,
На густой, на простодушный смех.

В это время раздвигались сосны,
Вспыхивал гремучий огонек.
Думалось медведю, будто солнце
Гасло у его могучих ног.

И опять мой друг по перевалам
Шел среди обвалов и трясин.
Шел... А с древних гор тянуло палом
На простор пестреющих долин.

Где-то вновь гремела переломка,
Где-то снова падала гора.
И орешек за орешком звонко
Парень грыз у сизого костра.

2

Было так: сентябрьской-темной ночью.
Закачались лодки на Неве,
Быстрые малиновые точки
Вспыхнули на молодой траве.

Вражий берег, выросший из мрака,
Взрыли наших батарей клыки.
Пять минут — и загремит атака,
И сверкнут граненые штыки.

Под могучим орудийным валом
Мы стремились к берегу врага.
Било в грудь нам порохом и палом,
Острый ветер прожигал бока.

Не сдержать час... Берег огнезубый
Замолчал, не выдержал, погас.
И к земле родной припали губы...
И слеза на землю пролилась.

Тут в траншее под свинцовой вьюгой
Я опять нашел сибиряка.
Он считал Сибирь своей подругой,
Он под Ленинградом бил врага.

Стиснув острый холод автомата,
Он припал к истерзанной земле.
Глаз поймал фашистского солдата —
И солдат упал в рассветной мгле.

Видел я, как на крутую насыпь
Он забрался и бойцов увлек;
Как врагов бесформенную массу
Захлестнул наш молодой поток.

Огненный поток, дробящий скалы
Частых дотов, вставших на пути.
Впереди неудержимый малый,
Человек сибирской злой кости.

Точно так же, как в часы охоты
В абаканских дебрях, между скал,
Он ловил врага, искал — и сотый
Мертвый немец на землю упал.

Он стремился с отделением вместе,
С автоматами наперевес
Оседлать дороги перекрестье
И войти в нагроможденный лес.

Лес гудел, и робкий, розоватый
Над лесами занялся рассвет,
Задрожал на грани автомата,
Победителю послал привет.

Только трубы блиндажей разбитых,
Брошенные на сыром песке.
Только исковерканные плиты,
Сбитые при первом же броске.

3

Вот что здесь открылось после боя
Голубым глазам сибиряка.
Горек дым над светлою Невою,
Но победа все-таки сладка.

Словно точка на яру далеком,
Врытый в землю, камнем обнесен,
Дзот светил нам, вставши одиноко
Среди веток, погруженных в сон.

Дзот стоял, и в маленьком квадрате
Огонек багровый расцветал,
И бойцы шептали: — Это батя,
Наш полковник, подал нам сигнал.

Это значит — закрепляться надо,
Подкрепление не придет пока.
Это значит — отбиваться надо
От превосходящего врага.

Немцы поднялись сплошной лавиной,
К нашим укреплениям пошли.
Мы молчали. Ни огнем, ни миной
Не поднять нас, не смахнуть с земли.

А дружок мой... Нет, никто так просто
Не встречал идущих в рост солдат.
Каждому он выбрал для погоста
Место и погладил автомат.

Как в тайге, по правилам охоты, —
Не убить страстей таежных в нем...
На глазах у всей фашистской роты
Он готов был злить ее огнем.

Не забыть, как друг мой, стиснув зубы,
Автомат свой прижимал к груди.
И тогда его шептали губы: —
Мало!? На еще!... Иди, иди!

Не забыть, как, окружен врагами,
Он вскочил и поднял одного
И ударил немцем в немца,— камнем
Повалился немец от него.

Помню, как последние гранаты,
Словно соколы, взметнулись ввысь.
Помню, как немецкие солдаты
Залегли и снова поднялись.

Среди лиц, прощающихся с жизнью,
Видел друга светлое лицо.
Видел стали огненные брызги
И врагов давящее кольцо.

А потом — простор моей Сибири
Под лазурью бархатных небес,
Горные безоблачные шири,
Прямоствольный темнохвойный лес.

Видел все... И вдруг все потемнело...
Что-то странно хрустнуло в плече.
Мне казалось, в пропасть без предела
Падаю на ледяном луче.

И раздался гром. Над бездной черной
Золотые звезды расцвели.
И упали крохотные зерна
Искрами, и грудь мою сожгли.

Дальше я не помню... И не знаю,
Сколько я без памяти лежал, —
Знаю лишь, он, кровью истекая,
Все стоял, как каменный, стоял.